

УДК 1(091)

НИСПРОВЕРГАЯ ТРАДИЦИЮ: РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В ФИЛОСОФИИ П.Б. СТРУВЕ

А.Э. Варпетян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проанализированы воззрения отечественного мыслителя, экономиста, политика и публициста рубежа XIX–XX вв. П.Б. Струве на роль интеллигенции в истории политической жизни России. Интеллигенция представлена как особый культурный слой русского общества. Ее формированию способствовали два исторических обстоятельства: многовековое отсутствие политических прав и некритическое восприятие западных социалистических идей. На этом фоне в сознании интеллигенции постепенно вызревало двойное «отчуждение» – государства и религии. В историческом «диагнозе» Струве каждый участник революционных событий начала XX в. – и политическая власть, и интеллигенция, и народ – должен проявить чувство ответственности.

Ключевые слова: *культура, философия, политика, религия, социализм, интеллигенция, революция, национальное самосознание, личная ответственность.*

Воззрения П.Б. Струве на интеллигенцию и ее роль в революционных событиях начала XX столетия выглядят достаточно сложными, а порой и противоречивыми. Конечно, трудно ожидать однозначности позиции от человека, который испытал в своей жизни искус полярных идейно-теоретических взглядов – от материализма к идеализму [3, с. 273; 6, с. 31]. Историко-философский анализ затрудняется еще и тем, что, по оценке современников, аналитическая мысль Струве работала с такой скоростью и одновременно на стольких уровнях, что даже наиболее преданные его почитатели испытывали замешательство, никогда не могли с уверенностью сказать, какую именно позицию по тому или иному вопросу он занимает в данный момент [6, с. 114]. С.Л. Франк в «Биографии П.Б. Струве» (1956) отмечает, что «личность П.Б. могла выражаться и находить себе удовлетворение только в полноте многообразных и противоречивых интересов и разного рода деятельности», что он был «настоящим солидным ученым сразу в весьма широкой области знаний» [13, с. 476–477]. Реконструкция текстов самого Струве в определенной мере подтверждает впечатления современников: автор действительно старался рассматривать любой аргумент с разных сторон. Возможно отчасти признавая это, он пишет в работе «Заметки о плюрализме» (1922), что видит такой способ понимания как «допущение новизны»; вне плюрализма невозможно подлинное восприятие истории, являющейся, по существу, «множественностью и многообразием, ареной столкновения как бесконечно многообразных человеческих единиц, так и индивидуальных масс («историко-политических индивидуальностей») [7, с. 450].

Сам Струве, в сущности, никогда не был типичным русским интеллигентом. Недаром радикалы, в среде которых он провел период своей молодости, объясняли его настойчивое стремление к познанию и тягу к искусству как «симптом неполной преданности делу» [6, с. 31]. Исследователи отмечают, что Струве с его устойчивым академическим интересом выглядел особняком в среде интеллектуалов. Образовательные потребности большинства его современников ограничивались естественнонаучной сферой познания как наиболее действенной, на их взгляд, в борьбе с идеализмом и религиозностью «старшего» поколения; были и те, кто и вовсе с презрением относился к наукам. Струве не избежал общей увлеченности естественными науками, но в силу своих врожденных качеств был крайне любознателен и серьезно занимался вопросами философии, социологии, экономики, истории. В силу этого он крайне отрицательно воспринимал односторонность образования, удивлялся тем, кто не владел иностранными языками, и с глубоким презрением относился к невежеству, к так называемому «воинствующему антиинтеллектуализму» русской интеллигенции, считая это признаком «культурного упадка» [там же, с. 30].

В философской рефлексии Струве русская интеллигенция есть особая культурная категория людей, порожденная идеями западного социализма, противоречиво воспринятыми на отечественной почве с «особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития» [9, с. 148–149]. Хрестоматийно известен нарисованный Струве этюд, иллюстрирующий «образованный класс» и смену смыслов его понимания: от средневекового духовенства, через служилое дворянство и светскую публику – до выпускников университета. Однако позиция Струве отличается от позиции других исследователей: он не сращивает понятия «образованный класс» и «интеллигенция», считая, что русская интеллигенция питалась, несомненно, просвещенческими корнями, однако приобрела особые, культурно-национальные черты в диапазоне своих отношений с государством и религией. В интенции Струве интеллигенция как специфическое культурное явление России прошла путь становления в три этапа: просвещенческий (подготовительный), идейный (накопительный) и политический (правоприменительный) [там же, с. 134–135, 149]. Идейные воззрения адептов социалистических идей на русской почве были подготовлены атмосферой полемики славянофилов и западников, развернувшейся в 30-40-х гг. XIX в.; как политическая сила отечественной истории интеллигенция выступила в эпоху буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX в., окончательно раскрыв свои потенциальные возможности в революциях начала XX в.

В собирательном облике русской интеллигенции, сконструированном Струве, отчетливо вырисовываются форма и содержание. Форма достаточно устойчива и означает готовность образованного дворянства противостоять государству; содержание же варьируется в зависимости от исторического контекста, выраженного в двойном «отчуждении» – государства и религии [там же, с. 136]. Традиция «отчуждения», или «отщепенства», в терминологии Струве имеет многовековые корни и сложилась под воздействием двух исторических обстоятельств. С одной стороны, образованный

класс долгое время не был востребован самодержавной властью в качестве политической силы, что сформировало в умах русской интеллигенции идею отчуждения государства. С другой стороны, охватившее образованных людей увлечение социалистическими идеями и желание воплотить их в действительность породили идею отчуждения религии.

Политическое бесправие образованного слоя дворянства, а затем и «развившейся на его стволе интеллигенции» создало, на взгляд Струве, психологию и традицию государственного отщепенства [10, с. 486]. Поначалу заставляя дворян учиться, а в дальнейшем и поощряя стремление к образованию, российская монархия способствовала развитию у них способности к суждению, что неизбежно влекло за собой осознание наличия альтернатив и возможности выбора, ощущение собственной индивидуальности. Много веков в отношении образованных людей царское правительство осуществляло противоречивую политику: с одной стороны, оно практически ничем не ограничивало доступ к знаниям, разрешало выезд за границу, поощряло развитие искусства и науки, стремилось воспитывать в гражданах чувство национальной гордости, с другой – не хотело допускать, чтобы русский человек, получив образование, попутешествовав, развив в себе патриотические чувства, жил и действовал в условиях правовых гарантий и возможностей для своего политического самовыражения. Полученные знания и опыт, способность критически мыслить – все это могло бы стать источником огромной созидательной силы, работающей на процветание нации, но только в том случае, если ей были бы предоставлены широкие возможности для реализации. Будучи подавленной, эта сила стала приобретать разрушительный характер. Поэтому многие образованные люди вынуждены были жить в своей стране с ощущением непреходящей внутренней оппозиционности по отношению к властям предрержащим. Однако само по себе ощущение личной подавленности не может стать гарантией политической активности. Говоря о российском дворянстве, Струве рассуждает, что переход от выражения политической озабоченности к конкретным действиям для него всегда был сложным. Это объяснялось тем, что в дворянском сознании исторически укоренились два вида опасений: к нелегальной деятельности (начиная с расправы над декабристами) и к народному бунту (начиная со времен «пугачевщины»). Возможно, этим объясняется тот факт, что впоследствии большинству русских либералов будет свойственна консервативная ориентация [6, с. 403].

Таким образом, исторически отстраненные от властных структур, образованные люди в своем сознательном или инстинктивном желании самореализации искали и нашли «нишу» для раскрытия своего накопившегося и невостребованного потенциала: они увидели свое предназначение в деле распространения социалистических идей на русской почве. Струве критикует интеллигенцию за ее «безрелигиозность», сориентированную исключительно на рациональные и эмпирические способы преобразования действительности. В смысловом очертании идейное зарождение русской интеллигенции он связывает с восприятием западноевропейского атеистического социализма. Для него Новиков, Радищев, Чаадаев – «светочи рус-

ского образованного класса», люди, «упоенные» Богом; а Бакунин, Чернышевский, Писарев – «светочи русской интеллигенции», люди, охваченные атеистическим духом. Для Струве это не звенья одного и того же ряда, а два непримиримых духовных течения, между которыми пролегает пропасть [9, с. 138]. В «отщепенстве» от государства и религии Струве видит главную проблему русской интеллигенции, ключ к пониманию переживаемой революции.

Особое внимание Струве уделяет интеллигенции в связи с революционными событиями в России начала XX в. До этого времени все русские политические движения были инициированы, как правило, образованной и привилегированной частью России (декабристы, петрашевцы). События первой русской революции 1905 г. активировались иным образом – стихийным порывом народных масс, сначала рабочих, а потом и крестьянских. И здесь интеллигентская мысль впервые столкнулась с народными стихийными представлениями. Социальные тяжести, нерешенный вопрос о собственности земли, поражение в войне – эти и многие другие обстоятельства сделали русский народ «особенно восприимчивым» к призывам интеллигенции разрушить существующий порядок и построить на его месте новый. Однако в своих радикальных призывах интеллигенция не до конца понимала, что апеллирует к политически незрелым массам. В свете данных рассуждений дата 17 октября 1905 г. для Струве имеет большое значение, он называет ее точкой отсчета, с которой начинается коренное преобразование сложившегося веками политического строя России. Чрезвычайную быстроту установления конституционного строя в стране Струве объясняет двумя обстоятельствами: с одной стороны, кратковременной атмосферой взаимодоверия власти и общества на фоне страха перед массовым стихийным порывом всероссийской политической стачки, с другой – крушением внешней политики старого порядка (речь идет о поражении в Русско-японской войне 1904–1905 гг. – *Авт.*). Уступка власти в виде манифеста, разрешающего конституционный строй в России, ввела в заблуждение интеллигенцию. Вообразив себя «хозяином исторической сцены», она принялась за немедленную реализацию своих идей. Общественные деятели поспешно поддались иллюзии того, что за первой уступкой власти последует и ее неминуемое крушение. Дальнейшие события показали, что веками установленный монархический порядок невозможно обрушить в одночасье. Жизнь народа и государства была много веков «замкнута» самодержавием в его исконно установленных границах, поэтому государственная машина, даже после 17 октября, оказалась способной остановить все то, что угрожало или могло угрожать разрушению легитимного порядка (юридического или фактического).

Главная ошибка интеллигенции, по Струве, в период первой революции заключалась в том, что они «не знали» и «не слышали» народ. Каково подлинное настроение народа и, главное, готовы ли народные массы к политической жизни – ответы на эти вопросы, по сути, никому не были известны. «Бездонным легкомыслием» называет Струве призывы революционных партий к величайшим политическим и социальным переменам. Ин-

теллигенция усмотрела в народных массах «лишь смутные инстинкты, которые говорили далекими голосами, сливавшимися в какой-то гул..., прицепив к этому гулу свои короткие книжные формулы». Жизнь показала, что голые формулы, лишенные смысла (в случае со Струве – лишенные религиозной веры. – *Авт.*), не способны выступать в качестве ориентиров для преобразований. Вот почему, когда накал народного волнения стих, лозунги интеллигенции «повисли в воздухе» [9, с. 141].

Что предлагает на этом фоне сам Струве? Переосмысляя свершившиеся события, интеллигенция должна понять свои ошибки и заняться самовоспитанием и воспитанием народа, чтобы вместе с ним прийти к вызреванию сознательного голоса «национальной личности». Струве находит противоречивой тактику интеллигенции в ходе революционных событий: опрометчиво было «возбуждать» малограмотный народ радикальными призывами свергнуть царский режим. Кроме того, под прицелом его критики оказывается и поведение ряда деятелей революционных событий: в амплитуде от злобной ненависти и прямолинейности – до мечтательности и неделовитости. «Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения» – такова в интенции Струве мировоззренческая платформа русской интеллигенции той поры как форма, лишенная смысла [там же, с. 142].

Струве признается, что, оценивая негативно атеистические настроения интеллигенции, он тем самым невольно выводит «за скобки» всю историю служения интеллигенции народу, все свидетельства истории подвижничества. Но при этом продолжает настаивать на том, что отдельные усилия и проявление самоотверженности не в силах помочь модернизации страны. Позиция образованных людей должна быть иной: недостаточно размышлять о своем долге перед народом, важнее понять, что «личная ответственность» должна проявиться и у самого народа, т. е. у всякого гражданина, независимо от его происхождения и социального положения. В русле кантианской этики Струве рассуждает о том, что аскетизм и подвижничество, несмотря на свою очевидную привлекательность, останутся лишенными «принципиально морального значения и воспитательной силы» без ответных и взаимных усилий каждого человека, способного вырабатывать личную ответственность. Это противоречие и вскрылось в ходе русской революции. Интеллигентская доктрина «служения народу» не включала взаимных обязательств, не предлагала народу никаких ориентиров для самосовершенствования. Проникнув в народную среду, где дремали «противокультурные и звериные силы», народническая идеология, а позднее и марксистская породили ситуацию деморализации народа [10, с. 492]. Столкнувшись с проявлениями народного недовольства, вызванного страданиями и стихийно вырвавшимися из них социальными требованиями, интеллигенция оказалась бессильной управлять вырвавшимся потоком [9, с. 144–145].

Показательна позиция Струве в отношении «реакции». Он говорит, что время превентивных мер со стороны правительства, последовавшее за революционными событиями, надо не просто переждать, а использовать его для морального осмысления ошибок революции и причин политиче-

ского кризиса. Нужна переоценка тактики политической борьбы: перестать «возбуждать» народ, призывая его к действию радикальными требованиями, и начать работу по «воспитанию народа в политике». В противном случае, высказывает опасение мыслитель, страна рискует оказаться на пути деспотизма или охлократии. Исследователи отмечают, что сам Струве достаточно долго находится в плену иллюзии, характерной для интеллектуалов его поколения, о том, что насилие, примененное ради «благого» дела, приобретает якобы несколько иной характер и его можно удержать в определенных рамках [6, с. 458].

Струве считает, что интеллигенция несет моральную ответственность за поражение в первой русской революции. Ее представители восприняли идею «прогресса» не с точки зрения необходимости совершенствования человека, а с точки зрения совершенствования внешних условий жизни, используя при этом народное волнение как ставку в своей «исторической игре» [9, с. 145]. Поражение в войне с Японией было тем моментом, когда в народе стала пробуждаться «национальная совесть», когда можно было сосредоточить все усилия на «политическом воспитании и самовоспитании». Признавая, что момент был упущен, Струве продолжает настаивать на значимости формирования политической культуры всех участников революционных событий. Интеллигенция должна начать с себя, должна отказаться от «социалистического отрицания личной ответственности», должна признать необходимость не только внешнего устройства общественной жизни, но, прежде всего, внутреннего совершенствования человека [там же, с. 146]. Участие в политической жизни, по Струве, не должно сводиться только к внешнему устройству общественной жизни и классовой борьбе. Главное – повышать уровень сознания населения, формировать в нем зрелые политические представления. Нет оснований считать, что человек всегда готов для лучшей жизни, что виной всему – неразумное общественное устройство. Общество, конечно, выступает в роли воспитателя отдельной личности. Но воспитание, нацеленное только на «устройство общественной среды», чревато односторонностью. Такое воспитание Струве называет «социалистическим» и противопоставляет ему «религиозное» воспитание, сориентированное на творчество человека, на работу над самим собой [там же, с. 147].

Следует отдать должное тому, что «старая формула Струве» об интеллигентском отщепенстве, как не без доли иронии назовет ее впоследствии П.И. Новгородцев, в дальнейших сочинениях самого автора не утратит своего первоначального значения, а, наоборот, наполнится новым содержанием. Судьба России и ее культуры, по мнению Струве, во многом зависит от того, сможет ли интеллигенция преодолеть отчужденность от государства, заполнив пустоту своего мировоззрения религиозным содержанием. По замыслу исследователя, предстоящие изменения могут носить двойной характер. Во-первых, в процессе экономического развития интеллигенция постепенно «обуржуазится», социально и политически приспособится к государству, примирится с ним, органично впишется в его институты. Скорость процесса будет зависеть от эффективности экономических преобразований и пере-

стройки государственного строя в конституционном духе. Во-вторых, интеллигенция может совершить настоящий духовный переворот, который явится результатом борьбы идей за национальное сохранение.

Несмотря на присущий ему плюрализм взглядов, Струве сохраняет достаточно последовательную позицию, когда рассуждает о таких задачах русской интеллигенции, как необходимость повышать политическую культуру или проявлять личную и коллективную ответственность за содеянное. Даже после событий Октябрьской революции 1917 г., оцениваемых им однозначно как «великое разрушение» [11, с. 442], он по-прежнему верен себе и призывает интеллигенцию к «упорному ежедневному труду» по идейному воспитанию и перевоспитанию. Только теперь уже речь идет не просто о самосовершенствовании, а о внедрении в широкие массы национальной идеи как «оздоровляющей и организующей силы», способной воссоздать разрушенное государство. Струве той поры убежден, что идея сохранения национальной культуры не подчинена каким-либо классовым интересам и не может быть замкнута в какую-либо определенную политическую форму, следовательно, национальные интересы потенциально способны преодолеть политические противоречия [10, с. 499–500]. Позже, будучи уже в эмиграции, он рассуждает, что для интеллигенции и для народа сейчас (т. е. в 1923 г., спустя шесть лет после революции. – *Авт.*) желательно не «психологическое приспособление» к новому режиму, не «отпущение грехов», а «позитивный» анализ исторических фактов. Последнее может оказаться полезным как «урок» прошлого: во-первых, с материальной точки зрения, поскольку многовековая русская история в целом демонстрирует созидательность, а произошедшая революция – разрушительность; во-вторых, с морально-религиозной точки зрения национальное сознание обязано оценить факты прошлого, сопоставить их с фактами настоящего и «творчески освещать ими будущее» [11, с. 442].

Понимание позиции интеллигенции и ее значимости в контексте исторической традиции окажется более емким, если сопоставить воззрения Струве с аналогичными взглядами его современников. Если сравнивать взгляды П.Б. Струве и П.Н. Милюкова, то на первый взгляд кажется, что эти авторы демонстрируют разные точки зрения. Однако при внимательном рассмотрении подчеркнуто фиксируемые ими разногласия теряют свою противоречивость и оказываются объединенными схожей идейно-теоретической платформой. Милюков при первом приближении показывает противоположные взгляды на природу и роль русской интеллигенции. В отличие от Струве, он напрямую сопрягает понятие «интеллигенция» с понятием «образованность». В этой связи им рисуется процесс формирования интеллигенции как последовательный рост числа образованных людей: в эпоху Петра I – это кружок «самоучек-интеллигентов», собранный царем для помощи в «насаждении» новой государственности; при Елизавете Петровне – это поколение молодежи, получившее уже «правильное», т. е. университетское, образование; со времени Екатерины II – это высшие слои дворянства, проникшиеся либеральной общественно-философской идеологией и пытавшиеся выразить ее в общественных программах и политиче-

ских организациях; наконец, в эпоху буржуазных реформ и освобождения крестьян от крепостной зависимости – это уже широкие слои разночинцев, представители так называемых «либеральных профессий», в терминологии Милюкова [4, с. 92].

Кроме того, Милюков резко критикует Струве и других авторов сборника «Вехи» за выдвинутую ими концепцию «отщепенства» интеллигенции. Согласно его рассуждениям, никакого отщепенства не было, наоборот, наблюдался рост национального самосознания. В процессе своего становления образованные люди выполняли роль проводников национальных идеалов в массы. Механизм распространения таковых историк рисует в виде преемственно расширяющихся концентрических кругов, где интеллигенция, обладающая инициативой и творчеством, выступает «тесным внутренним кругом», который взаимодействует с «большим кругом образованного слоя», являющегося средой ее непосредственного воздействия. Начав с индивидуального, личного, непосредственного влияния на отдельные личности, вовлекая все новых и новых участников, интеллигенция со временем переходит к коллективному созиданию в его публицистических, рациональных и научных формах. С расширением «культурного круга» растет солидарность нации, ослабляется «сектантский характер идеологии, дифференцируется ее содержание, специализируются ее цели, увеличивается конкретность и определенность задач, обеспечивается непрерывность, организованность и систематичность ее выполнения» [там же, с. 95–96]. Поэтому, каждая новая ступень развития интеллигенции представляет собой процесс расширения круга приложения ее деятельности, увеличения количества участников этой деятельности, усложнения и конкретизации целей приложения интеллигентского труда, перехода ее из состояния кружковой замкнутости к широкой общественной группе.

При более внимательном рассмотрении критика Милюкова в адрес Струве, достаточно резкая по форме, оборачивается содержательной схожестью взглядов с его оппонентом. Например, не соглашаясь с суждением Струве о природе религиозного и государственного «отщепенства» русской интеллигенции, Милюков, по сути, говорит о том же, только вкладывает иной смысл в оба этих понятия. «Безрелигиозность» русской интеллигенции в его интенции выглядит не как «отщепенство», а как этап «эволюции» религиозного сознания, как результат «усиления» веры, которая исторически не уместилась в рамках официальной церковности, поэтому выплеснулась за ее пределы в разных вариациях, например, в форме революционного радикализма [там же, с. 114, 120]. «Безгосударственность» русской интеллигенции, по мнению Милюкова, также заключается не в «отчуждении» от государства, а в антиправительственных настроениях образованных людей, в противопоставлении ими старой, самодержавной, формы государства новой, правовой. Милюков прямо соглашается со Струве в том, что возможность прекратить вековой разлад между властью и культурным слоем общества предоставлялась в истории России достаточно редко и почти всегда оказывалась неиспользованной или безрезультативной. Но при этом он настаивает, что русская интеллигенция, в широком

смысле слова, всегда олицетворяла государственную силу. Ее государственность проявлялась в необычных для власти формах – в противостоянии старому вотчинному порядку, в попытках пробудить правовое сознание в народных массах, в критике злоупотреблений законов со стороны бюрократии и привилегированного класса, в идейно-теоретической полемике с представителями радикальных революционных доктрин и т. д. [там же, с. 124, 140]. Как видится, концепция Струве о русской интеллигенции, представленная ее автором как особое культурное явление, выросшее на почве заимствования идей западного социализма, не только не противоречит, но и органично вписывается в построенную Милюковым матрицу развития многообразных цивилизных форм, свидетельствующих о регулярности сочетания факторов и их комбинаций, и символизирует поступательный рост национального самосознания.

Н.А. Бердяев, как и Струве, оказался одним из авторов вышедшего в 1909 г. сборника статей о русской интеллигенции «Вехи» и также выразил свое отношение к роли русской интеллигенции в истории России начала XX столетия. Исследователи справедливо подчеркивают, что общей тональностью сборника было обвинение русской интеллигенции в утрате духовных ценностей на фоне тотального увлечения идеями социальных преобразований, что, возможно, и привело страну к кровавым событиям 1905 г. По схожему мнению авторов сборника, интеллигенция не прислушалась к Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому, В.С. Соловьеву, звавшим к богоискательству, к нравственному совершенствованию, к вере, а пошла вслед за Н.Г. Чернышевским, Д.И. Писаревым, М.А. Бакуниним, ратовавшими за социалистические преобразования в стране. Бердяев рассуждает о том, что идейный раскол внутри русского общества стал наблюдаться в XVIII в., когда верхние слои русского общества стали питаться корнями западного просвещения, а народ продолжал жить «старыми религиозными верованиями и смотрел на барина как на чуждую расу» [1, с. 13]. «Пропасть» между верхним и нижним слоем, наметившаяся в петровскую эпоху, разрослась в екатерининскую и продолжала сохраняться в николаевскую. Погружаясь в этимологию самого термина «интеллигенция», Бердяев пишет, что на Западе «intellectuals» означает людей интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученых, писателей, художников, профессоров, педагогов и пр. В России этот термин приобрел другое значение, к русской интеллигенции стали приписывать людей, не занимающихся интеллектуальным трудом и вообще «не особенно интеллектуальных» [там же, с. 17]. Он сравнивает русскую интеллигенцию скорее с «монашеским орденом» или «религиозной сектой», для которых характерна своя особая, нетерпимая мораль, специфическое и обязательное к исполнению мирозерцание, свои нравы и обычаи, даже свой физический облик, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличить его от представителя другой социальной группы.

Интеллигенция виделась Бердяеву «идеологической», а не профессиональной или экономической группой. Она образовывалась из разных социальных слоев, сначала по преимуществу из культурной части дворянства; позже – из среды сыновей священников и дьяконов, мелких чиновников,

мещан и даже крестьян, освободившихся от крепостной зависимости. В итоге складывается слой так называемой «разночинной интеллигенции», объединенный не столько духом образования или происхождения, сколько идеями социального характера. Здесь Бердяев сходится со Струве во мнении, что во второй половине XIX в. «культурный» слой окончательно трансформируется в новый тип социального образования, получающий наименование «интеллигенция». Однако Бердяев считает, что интеллигенция, в отличие от мнения Струве, не «потеряла всякую связь с русской почвой». Скорее он согласен с Достоевским, считавшим русскую интеллигенцию «великим скитальцем русской земли» [там же, с. 18]. Как и Струве, Бердяев признает, что самодержавная власть, «калечившая русскую жизнь и роковым образом толкавшая интеллигенцию исключительно на борьбу против экономического и политического гнета», должна нести ответственность перед своей историей и перед своим народом. Однако Бердяева в большей степени беспокоит не столько проблема отчуждения интеллигенции от государства и религии, сколько ее игнорирование или искаженное восприятие ею европейских философских и социальных доктрин, в частности позитивизма, экономического материализма, эмпириокритицизма, неокантианства и ницшеанства, что, соответственно, превратно отразилось на их внедрении в «домашних» условиях преобразовательной деятельности [2, с. 56].

Еще один автор «Вех» Л.С. Франк и вовсе обвиняет интеллигенцию в чрезмерной морализации. Солидаризируясь с Бердяевым в том, что русская интеллигенция «и по настроению, и по складу жизни – монах», он усиливает эту оценку словосочетанием «воинствующий монах», «монах-революционер» [12, с. 203]. Под этой метафорой подразумеваются исторически объяснимые характеристики интеллигенции, связанные с многовековым отсутствием возможности формировать свою политическую культуру: ее нетерпимость к инакомыслию, непрактичность, склонность к фракционным раздорам, отсутствие государственного мышления. В качестве преодоления мучительного переходного состояния Франк предлагает то же, что и большинство авторов «Вех»: «сознательное уяснение тех моральных и религиозно-философских основ, на которых зиждутся господствующие идеи», т. е. избавляться от традиции заимствования старых доктрин, вырабатывать самостоятельное идейное творчество, критически оценивать, в частности, социалистические идеи [12, с. 207–208].

Хрестоматийно известно, что «Вехи» наделали много шума в публицистической сфере 1910-х гг. Главной темой, вызвавшей столь сильный резонанс, была объединяющая всех авторов-веховцев сориентированность на задачу «личного самоусовершенствования». Атмосфера полемики тех лет хорошо отражена в статье П.И. Новгородцева «О путях и задачах русской интеллигенции» (1918). Он совершенно точно улавливает в общей тональности рассуждений всех авторов тенденцию разрыва с «социалистическими, анархическими и народническими верованиями», свойственными русской интеллигенции [6, с. 458]. Положительно оценивая стремление Струве найти «новые пути политики», открыть «правильные и прочные приемы общественного строительства», оппонент предупреждает об опас-

ности «психологии индивидуализма», которой, на его взгляд, чревата позиция, акцентирующая личную ответственность и духовную активность. «Противопоставлять духовную жизнь личности внешним формам общежития и самодовлеющим началам политического порядка» означает повторять ошибки народников и радикально настроенных интеллектуалов только уже с противоположной стороны амплитуды мнений [5, с. 451].

Опасения Новгородцева, конечно, не лишены оснований, но, возможно, в меньшей степени они обращены к Струве. Как никто из других авторов «Вех», Струве был ближе всего, если так можно выразиться, к практической жизни страны. Будучи еще совсем недавно сторонником социал-демократических идей и серьезно занимаясь вопросами экономической теории, он понимал значение роли производства и рабочего класса для дальнейшего развития России, что нашло, например, отражение в его статье «Интеллигенция и народное хозяйство» (1908 г.) [8]. А в период объединения марксистских групп в России – киевской, вильненской и санкт-петербургской – Струве проникся мыслью о том, что надо уметь преодолевать разногласия внутри своего круга и стремиться расширять его [6, с. 275–279]. Вот почему, работая редактором журнала «Освобождение» (1902–1904), а потом и «Русская мысль» (с 1907), Струве приветствовал материалы, ориентированные на читателей, принадлежащих к широкому «демократическому» слою населения. Этот слой населения, получивший название «третий элемент», был весьма разнородным: к нему относились те, кто колебался между социал-демократическими и социал-революционными воззрениями; те, кто «сочувствовал» революционерам, но не находил в себе силы заниматься нелегальной деятельностью; те, кто скептически относился к марксизму. К «третьему элементу» также причислялись люди либеральных профессий, земцы, мелкие служащие, приказчики, ремесленники, рабочие, даже крестьяне. Словом, в этот общий неопределенный поток включались все те, кто ушел от «старого мира», но к «новому» еще не успел пристать. Струве усматривал в этом пестром конгломерате людей, образованных в большей или меньшей степени и, следовательно, умеющих критически мыслить и быть равнодушными к будущему своей страны, богатый потенциал для дела построения конституционного строя в России [6, с. 452].

В целом философская мысль Струве движется в направлении низвержения традиции понимания природы российской интеллигенции и ее роли в революционных событиях начала XX столетия. На первый взгляд позиция Струве отличается от других исследователей: он не сращивает понятие «образованный класс» и «интеллигенция» в единое целое, считает, что русская интеллигенция питалась, несомненно, просвещенческими корнями, но приобрела особые, культурно-национальные черты в диапазоне своих отношений с государством и религией, обостренно прочувствованных с середины XIX в. Здесь Струве сам себе противоречит: с одной стороны, противопоставляет русскую интеллигенцию образованному слою общества, с другой стороны, подчеркивает преемственность ее воззрений. Согласно Струве, интеллигенция как специфическое культурное явление

России прошла путь становления в три этапа – просвещенческий, идейно-теоретический и организационно-политический. Идейные воззрения интеллигенции как адепта социалистических идей на русской почве были подготовлены атмосферой известной полемики славянофилов и западников, развернувшейся в 30–40-х гг. XIX в. Эпоха буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. превратила интеллигенцию в реальную политическую силу отечественной истории, раскрывшую свои потенциальные возможности уже в революции 1905–1907 гг.

Не вполне правомерным видится разграничение «образованного слоя» русского общества и «интеллигенции». Слишком прямолинейно Струве использует в качестве демаркационной линии наличие или отсутствие религиозной веры у человека, решившего отдать свои силы преобразованию существующего порядка. При этом он тонко улавливает настрой представителей русской интеллигенции, пытающейся взять на себя личную ответственность за всю турбулентность событий начала XX столетия. Нельзя не согласиться со Струве в том, что все участники российских событий (власть, интеллигенция и народ) должны нести моральную ответственность за происходящие перемены. Для этого, по замыслу Струве, надо сменить революционный пыл на просвещенческую, воспитательную работу, менее эффективную по форме и длительную по времени, но значимую по смыслу.

При всей своей оригинальности взгляды Струве на русскую интеллигенцию встраиваются в общую панораму воззрений его современников. Все мыслители солидаризируются в вопросе противоречивости взаимоотношений интеллигенции и народа в период социальных потрясений начала XX в. Однако по-разному оценивают эту противоречивость. Бердяев говорит о непреодолимой исторической пропасти между верхними и нижними слоями русского общества, как и Франк, обвиняет интеллигенцию в чрезмерной морализации, Милюков считает, что она не смогла оценить готовность народа к социальным преобразованиям, П.И. Новгородцев предостерегает интеллигенцию от идолопоклонства перед народом. В историческом «диагнозе» самого Струве каждый участник революционных событий начала XX в. должен проявить чувство личной и национальной ответственности: и политическая власть, и интеллигенция, и народ. «Нам нужна, конечно, упорная работа над культурой», – рефреном звучат слова Струве [9, с. 149]. В духе кантианской этики такая «работа» над культурой означает формирование взаимной ответственности власти и общества, интеллигенции и народа, одного человека и общества в целом. Струве считает, что русская интеллигенция, ниспровергая традицию, должна преодолеть устаревшее преклонение перед идеями народников с их необоснованной идеализацией крестьянского общинного уклада жизни, а также должна переоценить стратегию распространения социалистических идей на российской почве с учетом особенностей конкретных культурно-исторических условий.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины / сост., автор вступ. см. и коммент. Н.И. Канищева. М.: Республика, 2010. С. 48–67.
3. Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский и П.Б. Струве // Вече: Журн. русской философии и культуры. 2015. № 27-1. С. 272–275.
4. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Анти-Вехи. Интеллигенция в России; «Вехи» как знамение времени / сост. В.В. Сапов. М.: Астрель, 2007. С. 91–176.
5. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины / сост., автор вступ. см. и коммент. Н.И. Канищева. М.: Республика, 2010. С. 449–467.
6. Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870–1905: в 2 т. / пер. с англ. А. Цуканов. М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 1. 552 с.
7. Струве П.Б. Заметки о плюрализме // Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм / сост. В.Н. Жуков, А.П. Поляков. М.: Республика, 1997. С. 443–451.
8. Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм / сост. В.Н. Жуков, А.П. Поляков. М.: Республика, 1997. С. 202–205.
9. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Сборник статей о русской революции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. Репринт. изд-е 1909 г. М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990. С. 131–149.
10. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины / сост., автор вступ. см. и коммент. Н.И. Канищева. М.: Республика, 2010. 483–501.
11. Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа // Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм / сост. В.Н. Жуков, А.П. Поляков. М.: Республика, 1997. С. 435–443.
12. Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи: Сб. ст. о русской революции. Репринт. изд-е 1909 г. М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990. С. 150–184.
13. Франк С.Л. Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве // *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм / сост. В.Н. Жуков, А.П. Поляков. М.: Республика, 1997. С. 476–493.

SUBVERTING TRADITION: RUSSIAN INTELLECTUALS AND REVOLUTION IN PETER STRUVE'S PHILOSOPHY

A.E. Varpetian

Tver State University, Tver

The paper examines the views on the role of intellectuals in the history of Russian political life proposed by a philosopher, economist, politician, and publicist Peter Struve. «Intelligentsia» is characterized by Struve as a special cultural layer of Russian society. Two historical factors contributed to its formation: centuries of political rights deprivation and uncritical perception of Western socialist ideas. Against this background, double estrangement – of polity and religion - gradually developed in the minds of intellectuals. According to Struve's historic «diagnosis», each participant of the revolutionary events at the beginning of XX century should have shown a responsibility sense: political power, intelligentsia, and people.

Key words: *culture, philosophy, politics, religion, socialism, intelligentsia, revolution, national morale, personal responsibility.*

Об авторе:

ВАРПЕТЯН Акоп Эмильевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: dragon.92@mail.ru

Author information:

VARPETIAN Akop Emilyevich – Ph.D. Student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: dragon.92@mail.ru.